

После обеда они собрали всё, что могло понадобиться на следующий день, и заранее сложили в одном месте.

Под вечер снова сходили к постоялому двору Наньчэн.

Хэ Хай не преувеличивал: рядом действительно находилась большая открытая площадка.

Она была ближе к каналу, а с трёх других сторон не было высоких зданий, поэтому ветер здесь гулял заметно сильнее, чем в соседних кварталах. Многие жители окрестных домов приходили сюда вечером посидеть в прохладе.

Чжан Бэйтин обошёл площадку и присмотрелся к торговцам.

В основном люди продавали излишки собственного хозяйства: фрукты, овощи, куриные и утиные яйца. Дальше шли изделия ручной работы — неизменные летние веера, расшитые женщинами и гэрами платочки, кошельки и прочая мелочь.

Еды было меньше всего: один человек торговал сладким лотосовым супом, другой — вонтонами.

У продавца лотосового супа дела шли неплохо. Миска стоила четыре вэня, и пока Чжан Бэйтин наблюдал издали, тот успел продать три порции.

Почти никаких конкурентов, много людей и вполне приличная покупательная способность.

Единственным минусом было расстояние от дома: даже налегке они добирались сюда не меньше четверти часа.

Но на фоне остальных преимуществ это уже не казалось проблемой.

Чжан Бэйтин нашёл управляющего постоялым двором и заплатил семь вэня: два за место и ещё пять за стол на следующий день.

Пять вэня только за стол отдавать было больно.

Но они продавали бинфэнь. Не заставлять же покупателей есть стоя.

Управляющий принял деньги и вручил ему деревянную дощечку.

— Завтра покажете её любому работнику постоялого двора. Стол и скамейки перенесут туда, куда скажете.

Что ж, за такие деньги хотя бы обслуживание приличное.

Чжан Бэйтин почувствовал себя немного лучше.

Летом темнело поздно. Вернувшись домой, они ещё успели посадить на заднем дворе лук, который утром принесла тётушка Хэ.

За день они оба изрядно вымотались.

Работа вроде бы была не тяжёлой, но один только недавно оправился после болезни, а второй несколько дней жил почти впроголодь.

После ужина и умывания Чжан Бэйтин уже мечтал только о сне.

Сун Яньцин вынес из кухни остывшую миску с отваром и протянул ему.

— Сначала выпей лекарство.

Чжан Бэйтин:

— ...

Он почти успел забыть, что оно существует.

Неизвестно, что лекарь положил в этот отвар, но пах он не только горечью — в нос ещё бил резкий кисловато-вяжущий запах.

Чжан Бэйтин смотрел на миску и совершенно не хотел подносить её ко рту.

Пока он боролся с собой, Сун Яньцин уже вымыл лекарственный горшочек и направился к спальне.

Не к той, в которой утром очнулся Чжан Бэйтин.

Только услышав, как открывается дверь, тот спохватился:

— Ты...

— Что? — Сун Яньцин сразу напрягся.

С наступления темноты он всё думал об одном и том же.

Два дня, проведённых в доме Чжан, он спал именно в этой боковой комнате. Утром Чжан Бэйтин сказал, что они пока будут жить вместе как есть. Значит ли это, что ему и дальше следует спать отдельно?

Теперь же его внезапно окликнули, и руки от волнения слегка задрожали.

Чжан Бэйтин остановил его — и сам не знал зачем.

По всем правилам они уже были супругами и должны были делить одну спальню.

Но Сун Яньцин сам пошёл в другую комнату. Если сейчас предложить спать вместе, не окажется ли это слишком навязчивым?

В конце концов, Сун Яньцина заставили заменить невесту. Их брак всё-таки отличался от обычной свадьбы двух людей, добровольно выбравших друг друга.

Чжан Бэйтин долго подбирал слова и в итоге выдал единственное, что пришло в голову:

— Ты... темноты не боишься?

Сун Яньцин был слишком напряжён, чтобы задуматься о скрытом смысле, и почти выкрикнул:

— Не боюсь!

— ...Даже если не боишься, всё равно возьми лампу.

Чжан Бэйтин зажёл ещё один масляный светильник и протянул ему.

Сун Яньцин унёс лампу в комнату и некоторое время сидел в одиночестве.

Только потом до него наконец дошло, почему Чжан Бэйтин вдруг спросил про темноту.

Щёки мгновенно обдало жаром. Он немного досадовал на собственную тупость — и одновременно почему-то почувствовал себя спокойнее.

Тем временем Чжан Бэйтин ещё долго тянул время в главном зале, но всё же заставил себя выпить отвратительно кислый и горький отвар. Потом прополоскал рот, вымыл миску и вернулся в спальню.

Из окна лился холодный лунный свет. Очертания предметов расплывались в полумраке, словно во сне.

Чжан Бэйтин ожидал, что долго не сможет уснуть.

Но стоило голове коснуться подушки — и через несколько мгновений он провалился в глубокий сон.

Лёг он рано, поэтому на следующее утро поднялся ещё до рассвета.

Солнце не взошло, и воздух был значительно прохладнее дневного.

Чжан Бэйтин не стал сразу умываться. Встал под виноградной беседкой и начал выполнять комплекс «Восемь кусков парчи».

Когда он учился в университете, этот комплекс входил в зачёт по физкультуре. Все ребята в общезнании клялись, что после выпуска никогда больше к нему не прикоснутся.

Кто бы мог подумать, что после неожиданного переноса ему придётся снова вспоминать каждое движение.

Для повара мало хорошей техники — здоровье тоже необходимо.

Нынешнее тело было слишком слабым для серьёзных тренировок. А «Восемь кусков парчи» выполнялись плавно, без резких нагрузок, и Чжан Бэйтин как раз знал весь комплекс. Для восстановления подходило идеально.

Закончив, он почувствовал тепло в руках и ногах, но даже не вспотел.

Тело оказалось слабее, чем он предполагал.

После обеда им предстояло торговать, поэтому Чжан Бэйтин заранее вскипятил воду, оставил её остывать и с утра занялся бинфэнем.

Это был первый день, и он понятия не имел, как пойдёт торговля, поэтому рисковать не стал — взял всего один цзинь семян.

По вчерашним расчётам один цзинь семян на тридцать цзиней воды давал примерно пятьдесят мисок бинфэня.

Если удастся продать все пятьдесят, вопрос с едой на несколько ближайших дней можно

считать решённым.

Чжан Бэйтин тщательно вымыл руки, сел возле чана и позвал:

— Яньцин, если ты сейчас не занят, поможешь мне выжимать семена?

— Мне... вместе с тобой? — Сун Яньцин как раз собирался отойти подальше и теперь недоверчиво распахнул глаза.

— А что-то не так? — Чжан Бэйтин слегка смутился.

В прежнем теле один цзинь семян он обработал бы без труда.

Но нынешний хозяин этих рук за всю жизнь почти ничего тяжелее кисти для письма не держал. Чжан Бэйтин опасался, что если сделает всё сам, на следующий день вообще не сможет поднять руки.

К тому же в конце нужно было, добавляя известковую воду, быстро перемешивать около тридцати цзиней густой массы. Одной рукой с нынешней силой он бы точно не справился.

Сун Яньцин тихо сказал:

— Но это твой рецепт.

Только тогда Чжан Бэйтин понял, чего тот опасается.

В современном мире почти любой рецепт можно было найти в интернете. Здесь же хороший способ приготовления еды нередко передавался только внутри семьи и считался настоящей тайной.

Но для Чжан Бэйтина это не имело значения.

— Ты же не посторонний, — сказал он и нарочно потёр запястье. — Или не хочешь мне помочь?

— Конечно хочу!

После такого Сун Яньцин уже не мог отказаться.

К концу часа Шэнь солнце стало мягче.

Они вдвоём подняли большой чан с бинфэнем и поставили его на заранее приготовленную одноколёсную тележку.

Миски, ложки и большой кувшин сахарного сиропа тоже были собраны.

Кроме того, они взяли деревянную бочку, достаточно большую, чтобы поставить внутрь чан. На месте бочку можно было наполнить холодной водой из колодца и опустить туда десерт, чтобы тот не нагревался.

Когда они катили тележку мимо дома Хэ, наружу вышел Хэ Хай, держа за руку маленького мальчика.

Он без лишних церемоний подошёл к Чжан Бэйтину.

— Брат Чжан, давай помогу толкать.

Мальчику было лет шесть-семь. Круглые щёки, огромные глаза, похожие на чёрный виноград, — очень милый ребёнок.

Наверняка это и был Лэйлэй, сын старшего брата Хэ Хая.

— А вы куда идёте? — спросил Чжан Бэйтин. Если им было не по пути, неловко заставлять Хэ Хая помогать.

Мальчик тут же ответил вместо дяди:

— Туда, где дядя Чжан будет продавать бинфэнь!

Чжан Бэйтин поднял бровь.

Хэ Хай объяснил:

— Вчера Лэйлэй попробовал твой бинфэнь и весь вечер только о нём и говорил. Узнал, что сегодня вы будете торговать, — после обеда сел у ворот и ждал, когда вы пойдёте мимо.

Чжан Бэйтин рассмеялся:

— Так бинфэнь уже давно готов. Хотел поесть — почему домой ко мне не пришёл?

— Бабушка сказала: если хочешь сладкое, надо идти покупать на прилавке.

Лэйлэй серьёзно раскрыл маленькую ладонь. В ней были крепко зажаты несколько медных монет.

Когда все четверо добрались до площадки, многие торговцы уже успели разложить товар.

Чжан Бэйтин выбрал место поближе к колодцу и попросил работника постоянного двора принести стол со скамейками.

Пока они расставляли вещи, Лэйлэй становился всё беспокойнее. Он то и дело всматривался в людей, пришедших посидеть в прохладе.

Чжан Бэйтин тихо спросил Хэ Хая:

— Что с ним?

— Не обращай внимания...

Хэ Хай не успел договорить.

До этого тихий Лэйлэй вдруг просиял, сорвался с места и побежал навстречу двум мальчикам, махая рукой:

— Хуцзы! Дамао! Сюда!

Те были примерно одного с ним возраста. Услышав крик, оба вырвались от взрослых и побежали к другу.

Едва они встретились, Лэйлэй повёл их к прилавку и первым делом спросил:

— Деньги принесли?

— Нет, — одновременно ответили мальчики и тут же посмотрели назад. — У бабушки есть! / У мамы есть!

— Тогда я съем раньше вас!

Лэйлэй бросил друзей, подбежал к Чжан Бэйтину и задрал голову:

— Дядя Чжан, мне и дяде Хэ по одной миске!

Сун Яньцин ловко наложил две порции и полил сиропом.

Когда Чжан Бэйтин протягивал одну Хэ Хаю, он наклонился и тихо спросил:

— Лэйлэй мне покупателей привёл?

Хэ Хай улыбнулся.

— Эти двое вчера тоже ели бинфэнь у нас. Ещё один пока не пришёл.

Хуцзы и Дамао увидели, что друг уже ест, и сразу занервничали:

— Бабушка, быстрее!

— Мама, ну скорее!

— Куда вы так торопитесь? — старушка погладила Хуцзы по голове, посмотрела на миски Хэ Хая и Лэйлэя и только после этого спросила: — Эй, парень Чжан, сколько стоит этот ваш бинфэнь?

— Два вэня за миску.

— Недорого. Только правда ли он такой вкусный, как Хуцзы весь день рассказывает?

Хуцзы и Дамао тут же заговорили наперебой:

— Правда! Очень вкусный!

Мать Дамао беспомощно посмотрела на сына:

— Ты со вчерашнего дня об этом твердишь. Уже целые сутки.

На самом деле она и сама считала: раз уж пришли, проще купить и попробовать, чем бесконечно расспрашивать.

Чжан Бэйтин предложил:

— Могу сначала дать вам по ложке попробовать.

— Не надо, — мать Дамао немного смутилась и протянула четыре монеты. — Дайте две миски.

Её сын вчера уже бесплатно ел бинфэнь у семьи Хэ. Пусть и в гостях, но всем было ясно, что десерт принадлежал Чжан Бэйтину. Просить ещё бесплатную пробу было бы неудобно.

Старушка тоже перестала сомневаться и отсчитала четыре вэня.

— Нам тоже две.

— Яньцин, принимай деньги.

Чжан Бэйтин быстро наполнил две миски.

— Я?.. — Сун Яньцин растерянно замер.

Он хотел сказать, что деньги лучше принимать самому Чжан Бэйтину, но тот уже понёс миски к Хуцзы и Дамао, которые нетерпеливо ждали у стола.

Протянутая покупателем рука с монетами всё ещё была перед ним — времени раздумывать не осталось.

Сун Яньцин поспешно принял деньги. Только после этого вспомнил, что они специально принесли глиняный сосуд для выручки, и тут же бросил туда монеты, будто они могли исчезнуть, если подержать их в ладони лишнюю секунду.

Хуцзы и Дамао наконец получили бинфэнь, о котором мечтали весь день, но даже удовлетворение не помешало им начать сравнивать порции.

У кого сиропа больше.

У кого кусочки бинфэня крупнее.

Когда спорят трое детей шести-семи лет, даже собака сбежит подальше.

Но есть люди, которых такой шум не раздражает, а наоборот притягивает.

Другие дети примерно того же возраста.